

КОНСТРУКТИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЖИЛИЩА РАННЕОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКИ БАЙБЕК В СЕВЕРНОМ ПРИКАСПИИ

© 2021

Гречкина Т.Ю.¹, Выборнов А.А.², Лебедев Ю.С.¹

¹Государственное научно-производственное учреждение «Наследие» (г. Астрахань, Российская Федерация)

²Самарский государственный социально-педагогический университет (г. Самара, Российская Федерация)

Аннотация. Работа представляет результаты исследования конструктивных особенностей жилища, обнаруженного на стоянке неолита Байбек. Детальная фиксация позволила проследить его параметры, форму и структурные компоненты. Поглубинный анализ дал основания для реконструкции его возникновения и развития. Обнаруженные в котловане жилища глиняная посуда и каменные изделия, как и другие материалы культурного слоя, по совокупности показателей аналогичны материалам каиршаковского типа неолита Северного Прикаспия. Серия радиоуглеродных дат устанавливает хроноинтервал функционирования жилища: первая четверть VI тыс. до н.э. Результаты спорово-пыльцевого анализа свидетельствуют о палеогеографическом фоне в данное время. Определения фаунистических остатков указывают на ведущие объекты охоты: кулан, благородный олень, корсак, сайга; рыба (стерлядь, окунь, щука, сазан, судак) добывалась как в открытых, так и в закрытых водоемах. Судя по анализу нагара на внутренней стороне сосудов, установлены признаки приготовления животной и растительной пищи. Изученное жилище дополняет характеристику неолитической культуры носителей каиршаковского типа и, возможно, отмечает начало перехода населения к определенной оседлости. Кроме этого, полученная информация дает основания говорить о появлении жилищ в интересующем регионе начиная с раннего неолита.

Ключевые слова: неолит; Северный Прикаспий; жилище; яма; кострище; стратиграфия; керамика; орнамент; каменный инвентарь; фауна; спорово-пыльцевой анализ; радиоуглеродные даты; хронология.

CONSTRUCTION FEATURES OF THE DWELLING AT THE EARLY NEOLITHIC SITE BAIBEK IN THE NORTH CASPIAN SEA REGION

© 2021

Grechkina T.Yu.¹, Vybornov A.A.², Lebedev Yu.S.¹

¹State Scientific and Production Institution «Nasledie» (Astrakhan, Russian Federation)

²Samara State University of Social Sciences and Education (Samara, Russian Federation)

Abstract. This work studies construction features of the dwelling discovered at the Neolithic site Baibek. Detailed recorded data made it possible to determine its dimensions, shape and structural components. The layer by layer analysis gave grounds to reconstruct its origin and development. Pottery and stone tools, as well as other materials of the cultural layer found in the dwelling pit are similar to the materials of the Kairshak type of the Neolithic in the Northern Caspian Sea Region. A series of radiocarbon dates establishes the chronological interval of the dwelling functioning: the first quarter of the VI millennium BC. The results of spores and pollen analysis indicate the paleogeographic background at that time. The definition of faunal remains indicates the leading hunting species: onager, red deer, corsac, saiga; fish (sterlet, perch, pike, common carp, pike perch) were caught both in open and in closed reservoirs. Judging by the analysis of the crust on the inner side of the vessels, signs of animal and plant food preparation have been established. The studied dwelling complements the characteristics of the Neolithic culture of the Kairshak type bearers and possibly marks the beginning of the transition of the population to a certain sedentary life. In addition, the information obtained gives reasons to speak about the appearance of dwellings in the region of interest starting from the early Neolithic.

Keywords: Neolithic; North Caspian Sea Region; dwelling; pit; fire-pit; stratigraphy; ceramics; ornament; stone tools; fauna; spores and pollen analysis; radiocarbon dates; chronology.

Введение

Изучение вопросов неолитизации сопряжено с необходимостью создания прочной базы источников. Территория полупустынного Северного Прикаспия в этом плане обладает рядом особенностей, связанных с трудностью обнаружения стоянок эпохи неолита и чрезвычайной редкостью памятников с сохранившимся культурным слоем. Жилища, как один из объектов культурного слоя, безусловно, являются важным компонентом археологической культуры, но, как правило, исследователи вынуждены смещать акценты на изучение глиняной посуды или кремневых орудий, поскольку объекты подобного рода встречаются при раскопках значительно чаще. Поэтому

открытие и исследование неолитической стоянки Байбек с сохранившимся культурным слоем, который не только позволил получить информацию о керамическом и каменном инвентаре, но и изучить остатки жилого сооружения, является уникальным научным событием для Рын-песков и сопредельных территорий, содержащим бесспорную научную новизну и значимость. Тем более что существующая дискуссия о содержании неолитического пакета включает обсуждение и такого показателя, как архитектурные сооружения. Все это ещё раз подтверждает актуальность исследования и публикации материалов раскопок жилища неолитической стоянки Байбек.

Материалы и методы исследования

Стоянка Байбек находится в 8 км к ССЗ от села Байбек Красноярского района Астраханской области и в 6 км к северу от правого берега р. Кигач в полупустынной зоне. Первоначальное изучение памятника дало основание отнести его материалы к эпохе неолита [1]. Систематические раскопки, начавшиеся в 2013 году, позволили обнаружить сохранившийся культурный слой, содержащий хозяйственные ямы, кострища, зольники, связи между которыми установлены методом планиграфии [2]. Значительное количество фрагментов глиняной посуды с помощью типологического метода дали основание для определения культурной принадлежности сосудов и памятника в целом [3]. Трасологический метод позволил расширить представление о функциях каменных изделий [4]. Археозоологический анализ выявил виды животных и рыб, обнаруженных на памятнике. Благодаря радиоуглеродному методу определен хронологический интервал функционирования стоянки [5]. Спорово-пыльцевой метод дал основания для определения природно-климатической ситуации в период существования памятника [6]. Именно междисциплинарный подход способствовал комплексному характеру изучения стоянки Байбек [7], исследованию жилища, предварительные данные о котором, учитывая значимость объекта, были оперативно введены в научный оборот [8]. Опубликован и костяной инвентарь [9]. В данной статье представлена исчерпывающая публикация материалов, их всесторонняя характеристика и интерпретация.

Первые признаки жилища были прослежены в северной, наиболее высокой части территории стоянки. Уже на верхнем уровне раскопа (в нижнем разрушающемся уровне культурного слоя) просматривался расплывчатый нечеткий контур заполнения жилища. Четкие очертания котлован для сооружения жилища, выкопанный в песке, приобрел только на уровне материка. Таким образом, жилище начиналось практически от современной дневной поверхности развеянного барханного песка, прорезало 20–30 см культурного слоя, который также начинался от дневной поверхности, а затем заглублялось в материк примерно на 1 метр. В плане жилище округлое, слегка вытянуто с юга на север, глубиной до 1–1,25 м. Площадь верхнего контура жилища составляет около 20 м², а дна – около 14 м². У восточной стены в придонной части удалось проследить два параллельных выступа высотой до 30–35 см. Возможно, это остатки ступенек для спуска в жилище (рис. 1; рис. 2).

Согласно стратиграфическим наблюдениям (рис. 3), в жилище фиксируются три слоя: нижний – светлый серо-желтый песок. Он содержит ямы, развалы сосудов, каменные изделия, кости животных и орудия из них. На этом же уровне обнаружено кострище, вокруг которого наблюдается больше всего артефактов, костей животных и рыб (слой 1). Его перекрывает относительно стерильный слой светло-желтого барханного песка (слой 2). Выше прослеживается темный серо-желтый песок с костями животных, керамикой и немногочисленными кремневыми предметами (слой 3).

В профилях бровок, проходящих через жилище, наблюдается резкая, почти вертикальная граница между культурным слоем стоянки (слой 4) и заполнением жилища, которая особенно просматривается на рис. 4. Учитывая свойства песка, такая граница могла образоваться только при наличии стенки, сложенной из какого-то прочного материала – кустарника, дерева или тростника с обмазкой. Таким образом, можно предположить, что внутри котлована были возведены относительно прочные стены жилища, которые могли подниматься над дневной поверхностью, т.е. жилище можно предположительно интерпретировать как полуземлянку.

Соотношение слоев 4 и 3 (рис. 3) установить очень проблематично: поскольку песок переоткалдывается довольно быстро, слой 4 мог образоваться за время функционирования жилища, постепенно заметая его стены снаружи. В этом случае образование слоя 4 будет более ранним, чем слой 3, но более поздним, чем сооружение жилища и слой 1 в нем. Но жилище могло сооружаться и после некоторого накопления культурного слоя в результате жизнедеятельности обитателей стоянки. Тогда слой 4 будет более ранним, чем время сооружения жилища.

Нижний уровень, зафиксированный на дне жилища – слой 1, имеет мощность 50–60 см. В самой нижней части жилища, практически на материке, при разборке бровок в СВ части жилища под стенками были обнаружены два скопления костей – ребер. На продольных краях некоторых из них имелась заполировка от работы. Скопления расположены на расстоянии около одного метра друг от друга (рис. 1; рис. 2).

На расстоянии 0,7 м от северной и восточной стенок жилища было зафиксировано пятно неправильной округлой формы диаметром до 80 см, под которым был выявлен контур ямы. Оно содержало примесь мелких частиц охры, угольков и мела (?). Пятно залегало под небольшим наклоном с севера на юг, и его южная часть опускалась в заполнение ямы. Толщина пятна в разрезе до 15 см. Яма в плане оказалась также неправильной округлой формы размерами 80 × 70 см. Заполнение ее состояло из влажного серо-желтого песка, включающего крупные кости животных, крупные фрагменты керамики, редкие кремневые изделия и даже пронизку. Яма имела довольно ровные стенки, слегка сужающиеся ко дну, и относительно ровное дно. Глубина ямы, выкопанной в материковом песке, составляет около 1 м от дна жилища. При расчистке ямы единичные находки в ней залегали на разной глубине, но тем не менее в 50–60 см от её поверхности отмечается относительно ровный горизонт расположения крупных костей животных (рис. 5). Большая часть костей (определение Н.В. Росляковой) принадлежали кулану (*Equus hemionis*), меньшая – благородному оленю (*Cervus elaphus*).

У самого дна выявлены мелкие фрагменты керамики (21 экземпляр), пять из них с орнаментом, типичным для керамики культурного слоя стоянки (рис. 13: 1–5). Из кремневых изделий обнаружены сегмент (рис. 6: 14) и фрагмент пластины с ретушью. У самого дна была найдена пронизка из трубчатой кости птицы (?) длиной 2,6 см, диаметром 0,9 см. На

тое. Туловище слегка расширено в верхней трети сосуда. В нижней части сохранился переход на плоское дно. В верхней собранной части сосуда с одного края фиксируются четыре ремонтных отверстия: три просверленных насквозь и одно в начальной стадии. Диаметр входной части на просверленных отверстиях около 1,2–1,0 см, выходной – до 0,3 см. Надо отметить, что к собранной части сосуда подобралась еще часть стенки из нескольких фрагментов с такими же ремонтными отверстиями. Она была обнаружена в нижней части культурного слоя на расстоянии около 10 м на ЮЮЗ от жилища. Это очень важное наблюдение подтверждает близкий хроноинтервал жилища и культурного слоя.

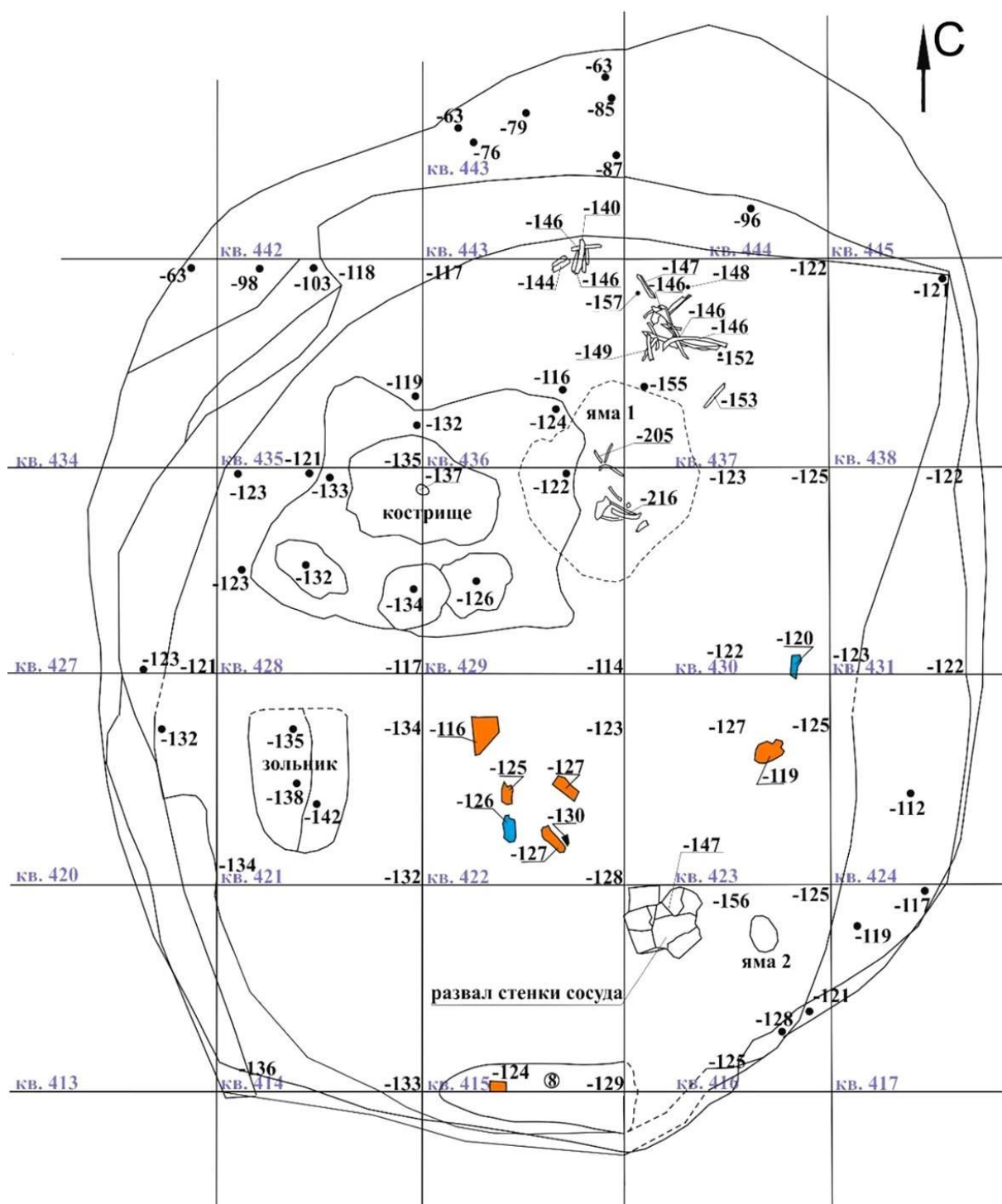

Рисунок 1 – План жилища стоянки Байбек

Рисунок 2 – Фото жилища стоянки Байбек

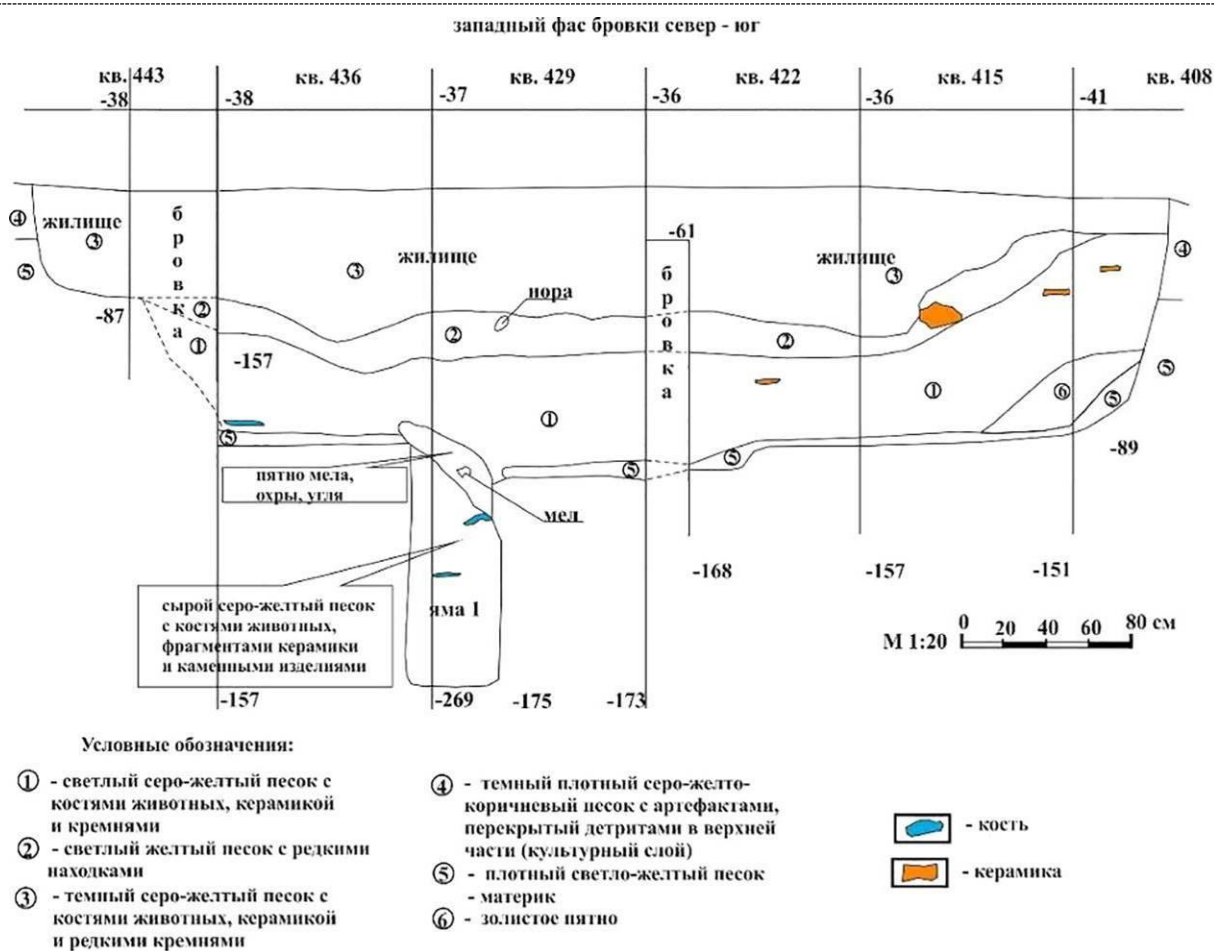

Рисунок 3 – Профиль жилища стоянки Байбек

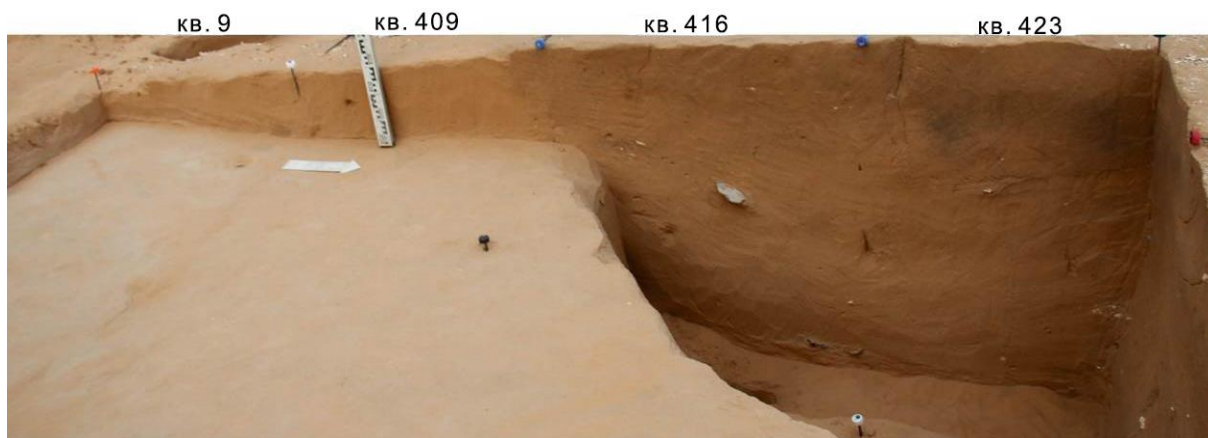

Рисунок 4 – Фото центральной бровки жилища

Рисунок 5 – Фото ямы на дне жилища

В нижнем слое жилища обнаружено около 45 венчиков и стенок от разных сосудов и два плоских дна (рис. 8; рис. 9; рис. 10: 4–8). Анализ их поглубинного залегания свидетельствует о достаточной равномерности. По результатам технико-технологического анализа фрагментов керамики, проведенного И.Н. Васильевой, они сделаны из ила с естественной примесью раковин пресноводных моллюсков и водной растительности. Толщина стенок варьирует от 0,7 до 1,0 см и связана с величиной горшка. Обе поверхности сосудов заглажены. Ведущей является форма сосудов с прикрытым устьем (19 экз.). Меньшим числом представлены сосуды с открытым устьем

(13 экз.). Формы сосудов с прямыми стенками единичны (3 экз.). Узор на поверхности сосуда наносился широкими или узкими прочерками и раздельными наколами различной, преимущественно треугольной, формы. Среди композиций преобладают простые схемы: сочетания горизонтальных рядов прочерков и наколов (рис. 8: 1; рис. 9: 1; рис. 10: 5), треугольники с вершинами вверх или вниз (рис. 8: 4). На некоторых сосудах орнамент отсутствует (рис. 9: 6). В предматериковой части жилища (уровень 14) обнаружены фрагменты от трех сосудов (рис. 12: 1–3), один из которых имел нагар на внешней стороне.

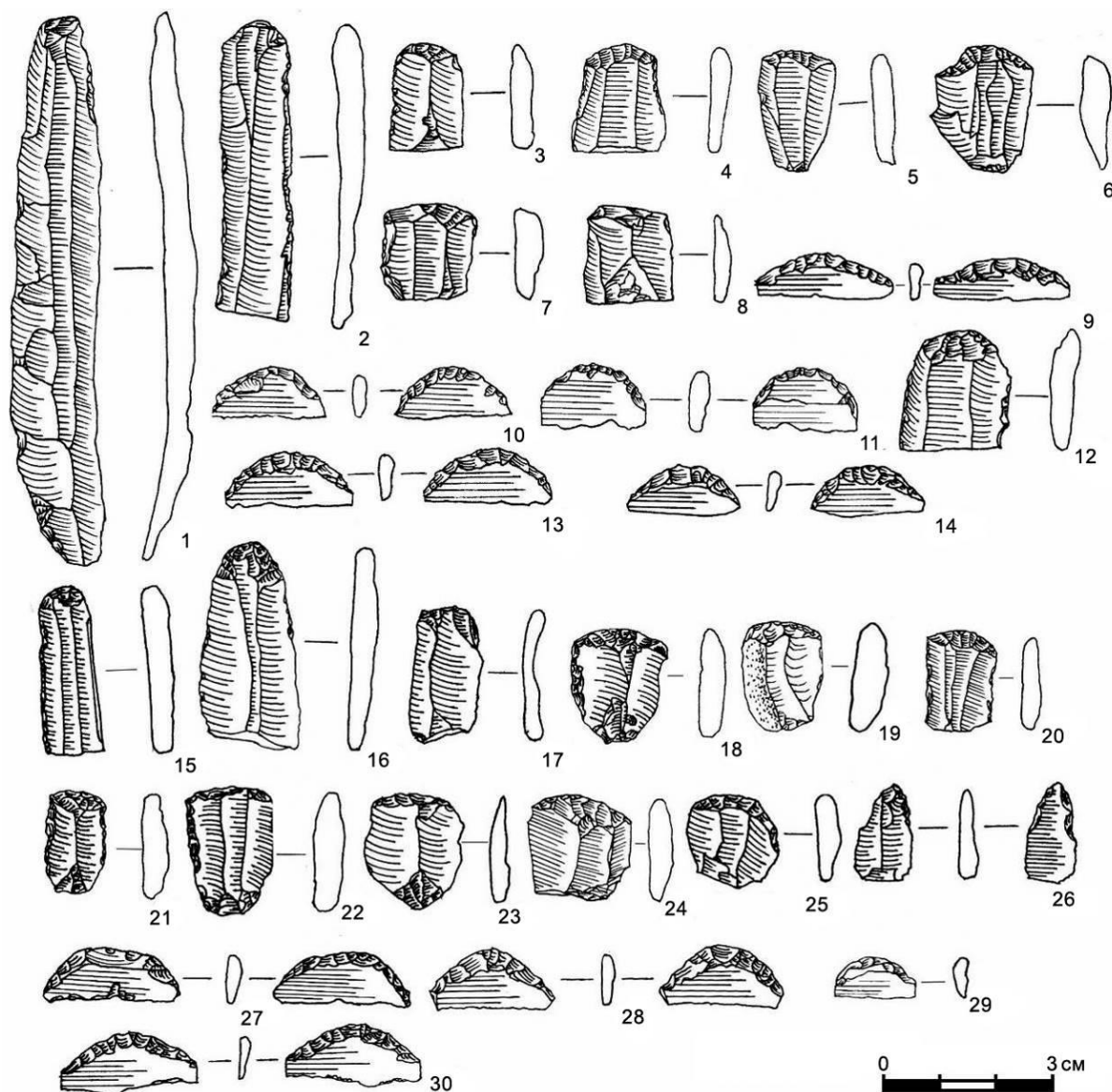

Рисунок 6 – Каменный инвентарь из заполнения жилища

Форма срезов венчиков плоская или округлая. На ряде венчиков нанесен узор либо наколами в отступающей манере, либо косыми насечками, либо вдавлениями (рис. 9: 1).

В целом, сосуды из нижнего слоя по формовочной массе, морфологии, способу нанесения орнамента аналогичны керамике культурного слоя стоянки [2].

Проведенный В.А. Платоновым анализ липидов в нагаре на поверхности сосудов показал наличие признаков, присущих животной и растительной пищи.

Необходимо констатировать один момент: части от некоторых сосудов (рис. 9: 2) найдены в верхних уровнях (рис. 11: 8), а от некоторых и за пределами жилища.

В нижнем слое жилища обнаружены каменные изделия, среди которых представлены сечения ножевидных пластины, отщепы, концевые скребки с округлым, прямым и скошенным рабочим лезвием, целая пластина с частичной ретушью, а также сегменты с ретушью по обеим граням верхней дуги (рис. 6: 1–13). Обнаружение сегментов в нижнем уровне жилища особенно актуально, поскольку нельзя было исключать возможности, что такие геомет-

рические микролиты не связаны с керамикой, а могут быть артефактами из остатков мезолитического слоя. Выявленный факт, несомненно, проясняет этот аспект.

Из костяных орудий необходимо отметить округлую в разрезе проколку из стенки трубчатой (?) кости животного длиной 15,5 см и диаметром до 0,55 см, обнаруженную на расстоянии около 0,5 м на северо-запад от ямы. Поверхность проколки залощена до блеска. Один конец острый, другой немного обломан. По центру проколки имеется небольшой косой пропилен длиной около 1 см, шириной до 0,2 см [9].

В восточной части жилища на уровне материка была обнаружена створка крупной раковины размерами 18 × 9 см и небольшая ямка без каких-либо находок размерами 24 × 14 × 10 см, выкопанная в материке.

Палинологический анализ, проведенный Е.А. Спиридоновой, позволил установить, что образец, характеризующий материковую часть рассматриваемого разреза (нижний уровень жилища), пыльцы и спор не содержал, но включал очень большое количество древесных или кустарничковых остатков наиболее

крупных размеров из всех других проб. Эти древесные остатки минерализованы и частично истлели. Возможно, ограждение жилища было обложено этим материалом. Не исключено, что и на полу были куски этой древесины или на пол укладывалось что-то другое, т.к. пылевые зерна отсутствуют [6].

На уровне пола жилища были выявлены кости кулана (*Equus hemionis*), благородного оленя (*Cervus elaphus*), сайги (*Caiga tatarica*), волка (*Canis lupus*), корсака (*Vulpes corsac*) (определение Н.В. Росляковой) и ежа ушастого (*Hemiechinus auritus*), (определение В.В. Титова). Рыба представлена единственным определимым видом – щукой (определение Е.Ю. Яниш).

На 30–35 см выше уровня материка ситуация в жилище меняется. На этом уровне в том же слое 1 в СЗ части жилища зафиксировано кострище, углубленное в песок на 15–20 см (рис. 1: б). Его длина с востока на запад около 150 см, ширина с севера на юг до 120 см. Очертания кострища неправильной подчетырехугольной формы. Глубина ямы кострища составляла всего 16–23 см, борта её были пологими, дно неровное, с заглублениями в центре и в южной части. Заполнение состояло из темно-серого песка с золой, керамикой, костями животных и изделиями из камня.

В кострище было обнаружено 147 кремневых изделий, в основном отходов производства, и 15 экземпляров орудий: отщепов и пластинчатых сколов с ретушью 10 экз., 3 скребка, 1 сегмент и 1 обломок скребла. Некоторые орудия сохраняют следы золы и охры на поверхности, а также пребывания в огне. Фрагментов керамических сосудов с нагаром всего 12 экз. Все они и по формовочной массе, по морфологии и по орнаменту аналогичны керамике культурного слоя стоянки.

Судя по липидному анализу, проведенному В.А. Платоновым, в состав нагара входят жирные

кислоты, характерные для пищи растительного происхождения, а именно семян и орехов, а также найдены насыщенные жирные кислоты, что свидетельствует о приготовлении пищи животного происхождения.

Обломков костей животных 335 экз., зубов 18 экз. и 5 экз. кальцинированных костей животных; костей мелких животных – 37 экз. Определимые кости принадлежали кулану (*Equus hemionis*), благородному оленю (*Cervus elaphus*) (определение Н.В. Росляковой), ежу ушастому (*Hemiechinus auritus*), волку или собаке (определение В.В. Титова).

Среди 30 экз. костей рыб определяются стерлядь, окунь, щука, сазан, судак. Впервые была выявлена рыба чешуя, которая принадлежала щуке (определение Е.Ю. Яниш).

На север от кострища были обнаружены костяные изделия: две «лопаточки» с пришлифовкой поверхности из ребер (?) крупного животного длиной до 12 см, с отверстиями в верхней части. На одной из них на короткой боковой кромке имеются три коротких пропила, которые образуют мелкие зубцы; наконечник дротика из фрагмента расщепленной трубчатой кости животного длиной 10,9 см; две проколки из ребер животного длиной до 7–8 см со сработанным до блеска острием [9]. Аналогии подобным изделиям можно усмотреть в материалах Северного [10] и Северо-Западного Прикаспия [11], степного Поволжья [12], Предкавказья [13] и Средней Азии [14].

В ЮЗ части, на расстоянии около полуметра на юг от кострища, выявлен зольник размерами 70 × 47 см. Глубина ямы зольника составляла всего около 10 см. Заполнение состояло из желто-серого песка. Находки из зольника очень невыразительные: мелкие обломки керамики и единичные кремневые отходы производства. На восток от пятна зольника зафиксированы обломки лепной керамики.

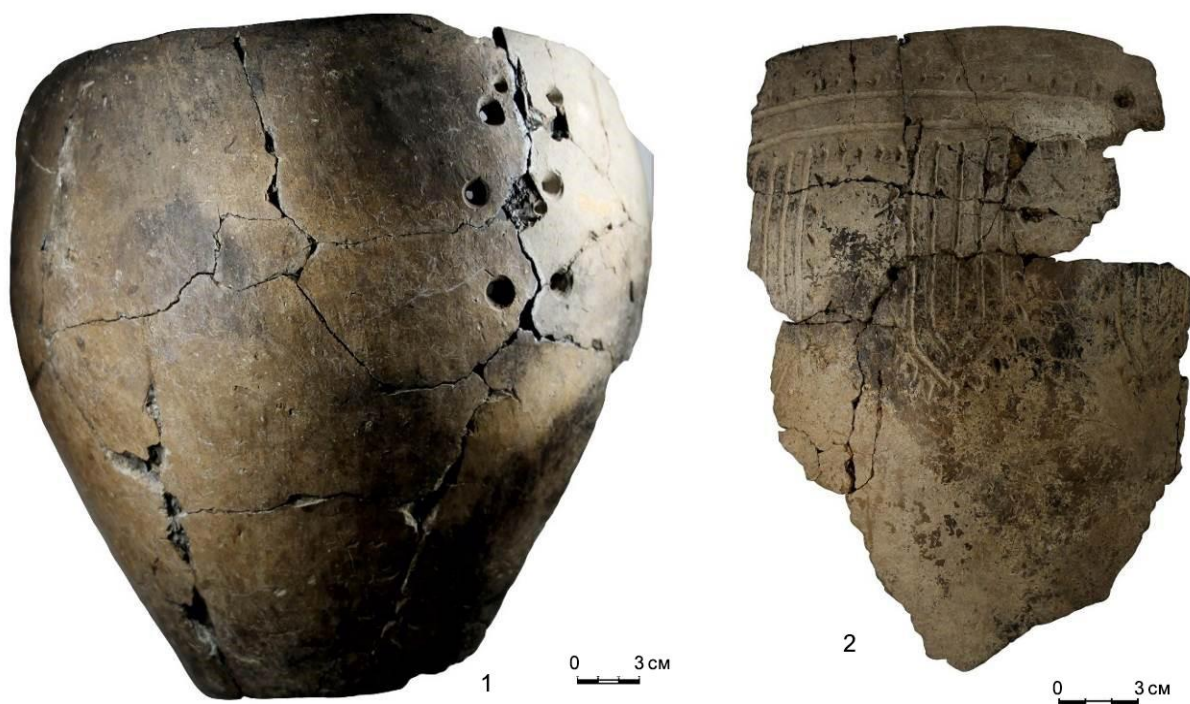

Рисунок 7 – Керамика из заполнения жилища

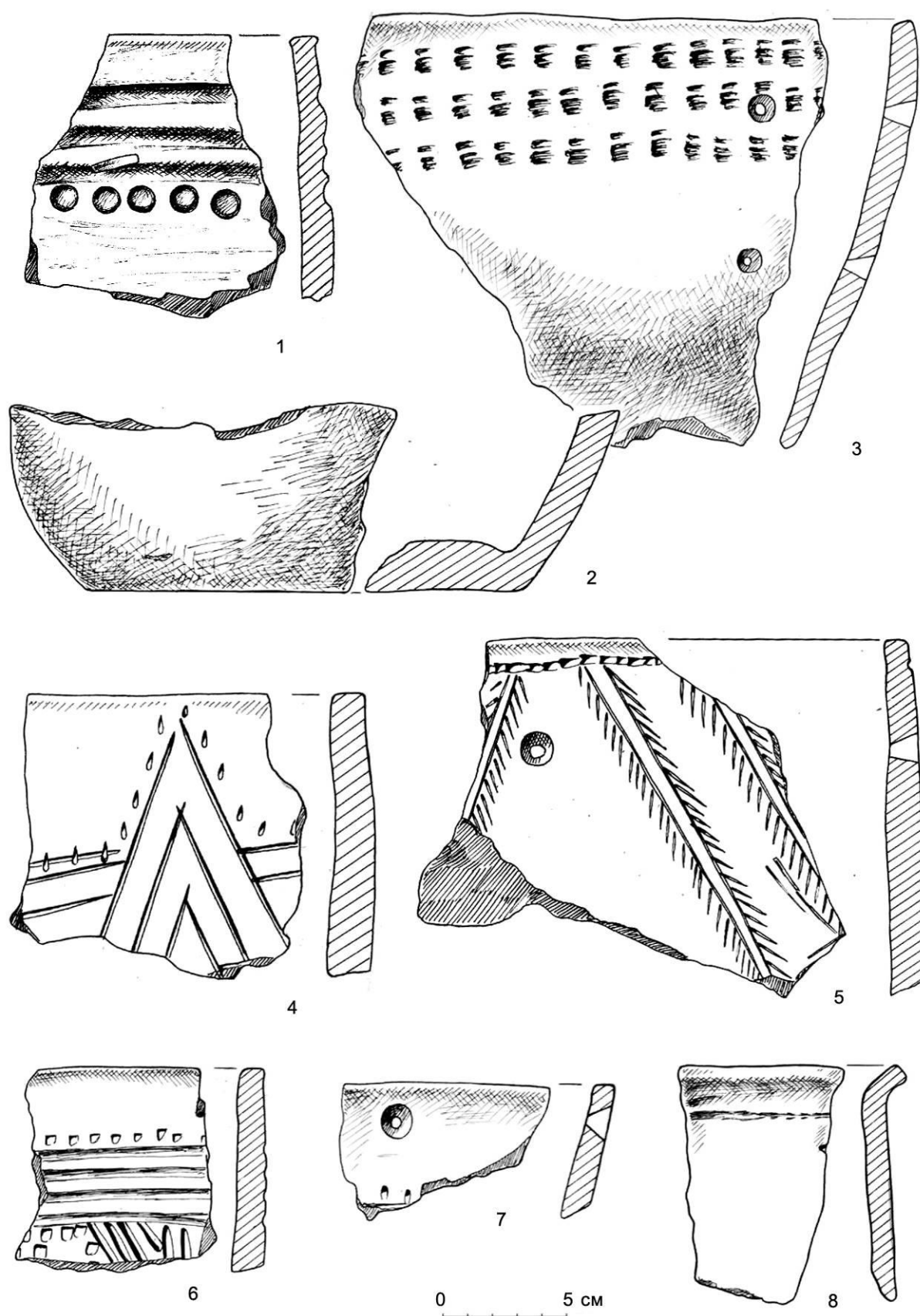

Рисунок 8 – Керамика из нижнего слоя заполнения жилища

Палинологический анализ подтверждает, что на уровне кострища в жилище содержится много древесных остатков, часто истлевших или сгоревших. В отложениях присутствует пыльца травянистых и кустарниковых, где больше всего растений засоленных участков местообитания. Преобладает пыльца семейства *Chenopodiaceae* (маревых), семейства *Com-*

positae (сложноцветных), которые включают подсемейство *Cichoriaceae* (цикориевые) (46,5%) и *Astergaceae* (астровые) (9,1%). Далее по убыванию в близком количестве присутствуют *Artemisia* (полыни) и *Roaceae* (злаковые), составляющие около 10%, здесь в меньшем количестве встречена пыльца *Ephedra* (эфедры), *Fabaceae* (бобовых) и единично присут-

ствуется семейство *Malvaceae* (мальвовые), чаще произрастают вблизи жилищ, в солонцеватых почвенных условиях.

По мнению Е.А. Спиридоновой, описанный комплекс свидетельствует о еще более широком распространении солонцеватости песков. При попадании пыльцы в замкнутое пространство жилища по-прежнему преобладают маревые, много терескена и многочисленных солянок. Климат был теплее современных условий. По мере накопления отложений в нижнем уровне происходят некоторые изменения в составе пыльцы растений, попадающих в жилище, которая указывает на изменение климата – он становится более засушливым. Затем повышается уровень грунтовых вод и усиливается ветровая составляющая, что указывает на неблагоприятные условия внешней среды.

На уровне кострища и выше в пачке отложений слоя 1 Н.В. Росляковой определены кости тура (*Bos primigenius*), лисицы (*Vulpes vulpes*) и, как на предшествующем уровне, кости кулана (*Equus hemionis*), благородного оленя (*Cervus elaphus*), сайги (*Caiga tatarica*), волка (*Canis lupus*) и корсака (*Vulpes corsac*). Определяемые кости рыбы принадлежат тем же видам – стерлядь, окунь, щука, сазан, судак.

Слой 1 – слой жизнедеятельности в жилище перекрыт слоем 2 – слоем светлого желтого барханного песка с редкими артефактами. Этот слой также содержит находки и керамики, и каменных изделий, и костей животных, но все они исчисляются единицами. Так, 7 уровень не содержал фрагментов керами-

ки. Что касается 8 уровня, в котором обнаружено всего пять венчиков, то они могли оказаться в нем из верхней части 9 уровня (рис. 10: 1–3). Примечателен неорнаментированный профилированный сосуд (рис. 10: 3). Нельзя не обратить внимания на сосуд ладьевидной формы (рис. 10: 2). Отдельные черепки аналогичны фрагментам из культурного слоя.

Среди определяемых костей по-прежнему преобладают кости кулана и благородного оленя, кости сайги, лисицы и зайца единичны. Данные распределения костей по уровням указывают на их резкое сокращение именно во 2 слое на 7 уровне.

Палинология свидетельствует о заметных изменениях по сравнению с предыдущим периодом. Проявилась тенденция к увеличению роли полыней (38,4%). Наряду с травянистыми и кустарничковыми растениями встречается пыльца *Pinus* (сосны) и *Betula* (береза), в очень небольшом количестве присутствует *Ephedra* sp., Роасеае (злаки) и сложноцветные.

Сопоставление с нижележащими образцами позволяет говорить о захоронении в отложениях пыльцы, формирование которой происходило в открытой природной среде вне жилища: это единичная древесная пыльца, переносимая на большие расстояния от места произрастания.

Судя по стратиграфии, на уровне слоя 2 функционирование жилища прекращается и слой барханного песка перекрывает заполнение непригодного для жизни, вероятно, обрушившегося жилища. Редкие находки попали в этот слой скорее всего позже свехру.

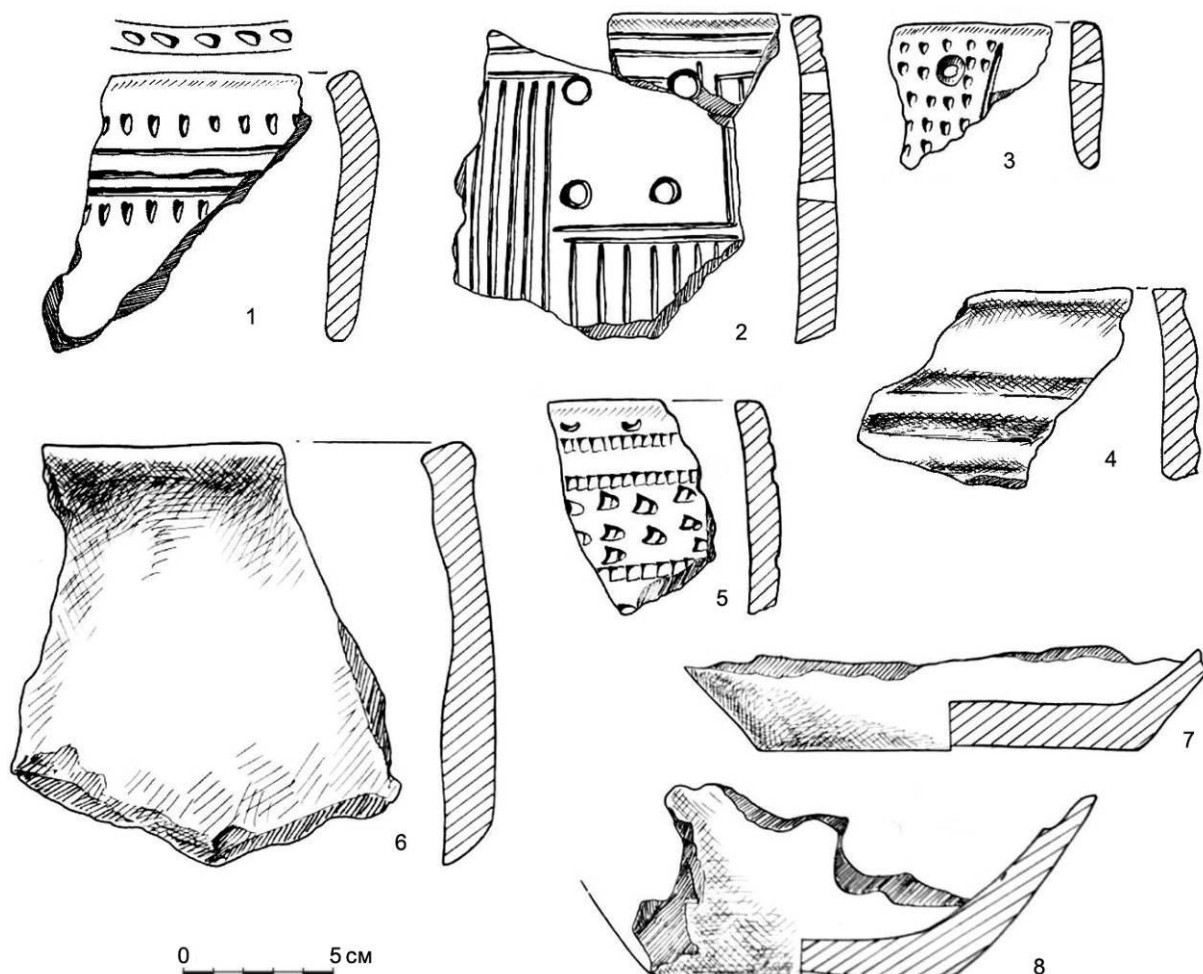

Рисунок 9 – Керамика из нижнего слоя заполнения жилища

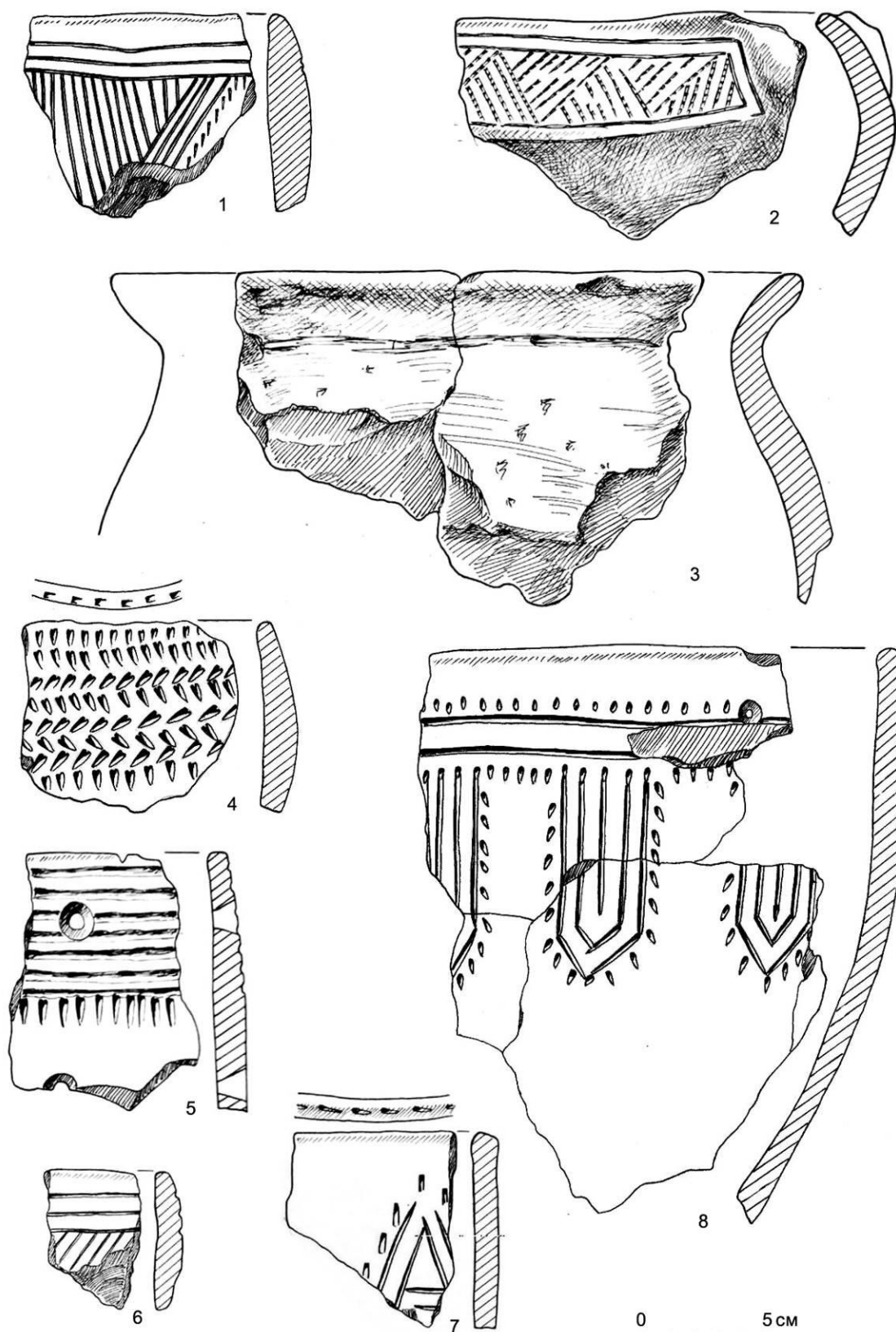

Рисунок 10 – Керамика из нижнего и среднего слоев заполнения жилища

Выше второго слоя залегает слой 3. В нем обнаружены фрагменты керамики и каменные изделия, а также кости животных. Посуда верхнего слоя представлена 28 фрагментами от разных сосудов (рис. 11: 1–12). Внешняя и внутренняя поверхность заглажены. Срезы венчиков плоские и овальные, пять из них орнаментированы по верху: три – крупными наколами, один – мелкими и один – косыми насечками (рис. 11: 6, 7). Узоры на поверхность сосудов нано-

сились прямыми прочерками, отдельными наколами различной формы и орнаментом из округлой поллой кости животного небольшого диаметра. Орнаментальные композиции состоят из горизонтальных рядов наколов и прочерков (рис. 11: 4); горизонтальных рядов своеобразных оттисков (рис. 11: 1); сочетания рядов треугольников, оконтуренных прочерченными линиями; горизонтальных рядов прочерков и косой решетки (рис. 11: 6); сочетания висячих тре-

угольников, обрамленных наколами и горизонтальными рядами отдельных наколов (рис. 11: 5), сочетания горизонтальных и вертикальных рядов прочерков (рис. 11: 3). Следует обратить внимание на то, что ряд фрагментов, подбирающихся к фрагментам из уровня 3, найден за пределами жилища (рис. 11: 6). Помимо этого, в верхней части сооружения зафиксировано два фрагмента керамики, которые принадле-

жат сосудам из нижней части сооружения (рис. 11: 8). Особого внимания заслуживает фрагмент, орнаментированный овальными наколами в отступающей манере, что характерно для керамики тентексорского типа позднего неолита. Кроме того, необходимо обратить внимание на конусовидное днище, обнаруженное в уровне 3 на границе жилищного контура (рис. 11: 2).

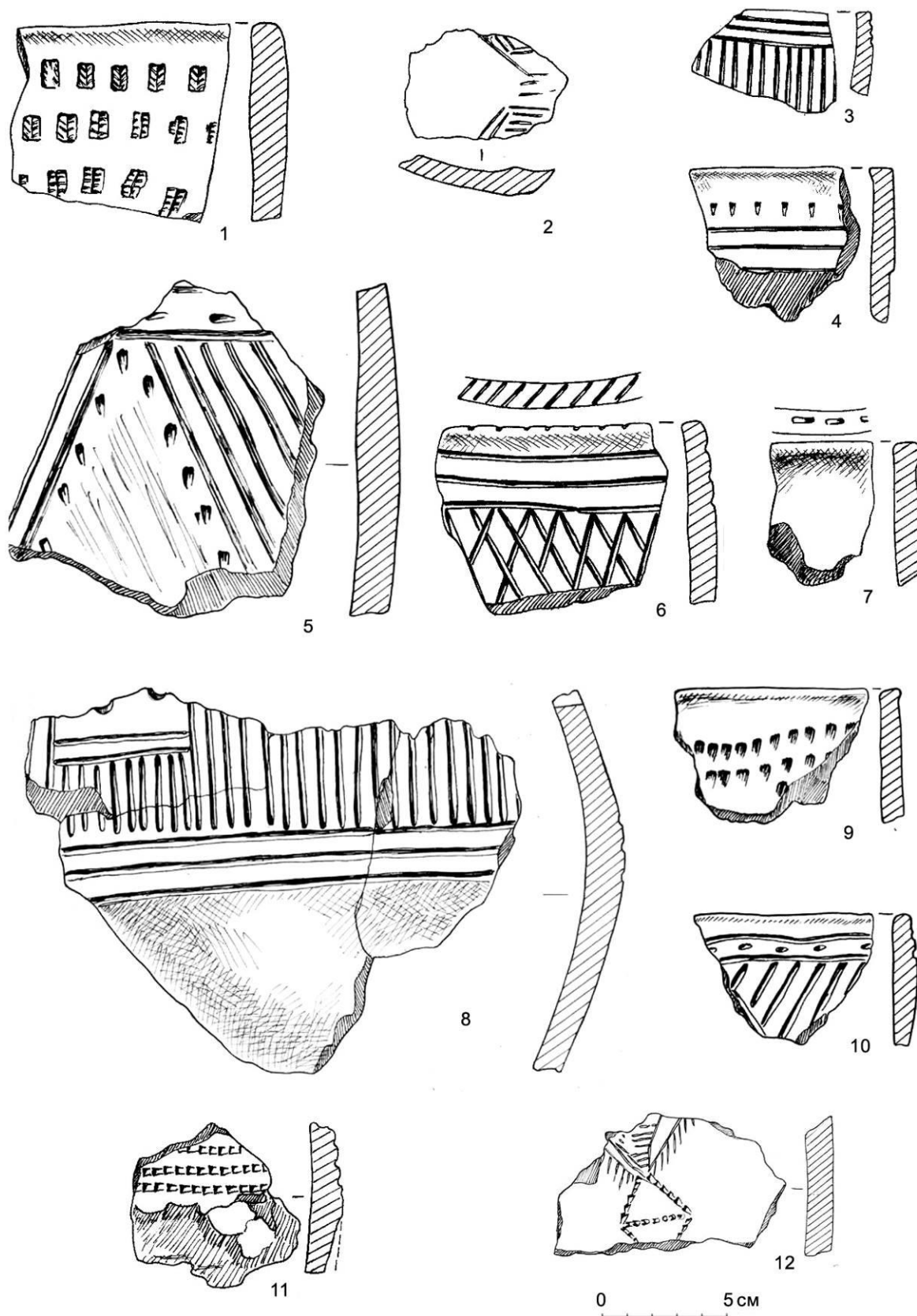

Рисунок 11 – Керамика из верхнего слоя заполнения жилища

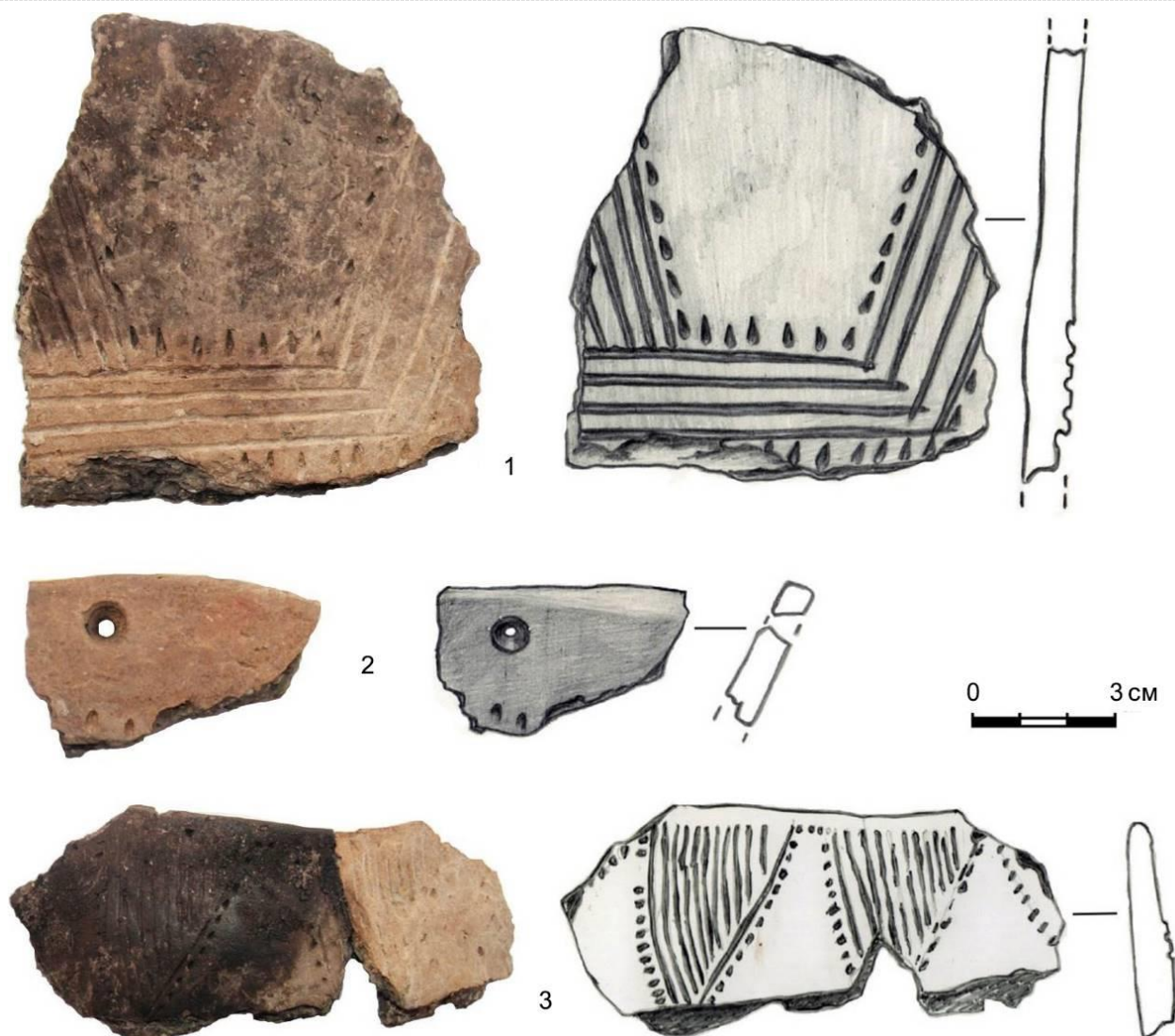

Рисунок 12 – Керамика из заполнения жилища с уровня 14

Каменный инвентарь представлен отщепами, пластинами, скребками (рис. 6: 18–25), сегментами (рис. 6: 27–30), перфоратором (рис. 6: 26).

Поскольку верхняя пачка отложений не содержит никаких объектов (кошар, зольников), можно предположить, что жилище больше не функционировало как жилище, а заносилось образующимся культурным слоем. С другой стороны, как было указано выше, верхний уровень жилища фиксировался практически с дневной поверхности по темно-серому песку, отличному по цвету от нижнего уровня культурного слоя, поэтому возможно, что и в верхнем уровне жилища все же было кошар, но из-за близкого расположения к поверхности оно было разрушено и окрасило песок в темно-серый цвет.

На возможность возобновления жизни и вторичного использования котлована под жилище косвенно указывает и палинологический анализ: в образцах с этого уровня фиксируется большое количество древесных-кустарниковых остатков разной величины. Они часто истлевшие, особенно их концы. Столь высокое присутствие этих остатков напоминает образцы, на уровне которых, по-видимому, происходило первоначальное строительство жилища. Господствующее положение принадлежит маревым (44,5%) и

полыни (31,7%). Пыльца злаков составляет 10,6%, сложноцветные образуют 6,8%, почти единично встречаются бобовые (1,1%) и мальвовые (0,8%). Е.А. Спиридонова, принимая во внимание небольшие изменения в составе спектров образцов из нижнего и верхнего слоев, приходит к выводу о незначительной разнице в возрасте между ними. Это заключение полностью подтверждается археологическим материалом. Ни в керамическом материале, ни в изделиях из камня между верхним и нижним слоем значительных изменений не наблюдается.

Среди определимых костей в верхнем уровне преобладают кости кулана и благородного оленя. Единичными становятся кости сайги и волка; совершенно исчезают кости тура, лисицы и зайца. Рыба представлена теми же видами, что и в нижних уровнях, к которым добавляется сом. В целом можно констатировать, что ведущими объектами охоты были кулан и благородный олень. Что касается сайги и тура, то удельный вес в охоте на них в это время не достиг даже роли корсака и волка.

Что касается хронологического интервала функционирования жилища, то он решается благодаря радиоуглеродным датам. Для стоянки Каиршак III сложность заключалась в том, что даты были полу-

чены не из жилища, а по органике в керамике и имели определенные различия [15]. На стоянке Байбек положение более определенное. Две даты по костям животных: 6936 ± 80 BP (5987–5703 BC) (SPb-2789) и 6935 ± 75 BP (5986–5705 BC) получены непосредственно из нижней части жилища. Кроме того, получена дата по кости из ямы 1, прокопанной из придонной части жилища: 6950 ± 70 BP (5986–5719 BC)

(SPb-2787) и по костям из кострища: 6925 ± 70 BP (5928–5702 BC). Все даты занимают весьма узкий интервал. Он совпадает с аналогичными датами из слоя и других объектов стоянки [16]. Это подтверждает вывод об одновременности материалов жилища и культурного слоя. Таким образом, время существования жилища достаточно точно определяется началом первой четверти VI тыс. до н.э.

Рисунок 13 – Керамика из ямы 1 со дна жилища

Поиск аналогий жилищу на стоянке Байбек приводит в Северо-Западный Прикаспий. В верхнем и нижнем слоях поселения Джангар исследовано три объекта, определенные автором как жилища [11]. От байбекского они отличаются меньшей глубиной и незначительным количеством находок. Судя по датам нижнего (3) слоя поселения Джангар, можно говорить о синхронности двух из них с байбекским [16]. На стоянке Каиршак III в Северном Прикаспии исследовано также два объекта, интерпретируемые как жилища [10]. При некотором сходстве конфигурации и ряда конструктивных элементов, они имеют меньшую глубину, но большие размеры (48 м² и 47 м²), чем байбекское. Есть и временные различия: комплекс Каиршака III относится к интервалу 7200–7000 лет ВР [17]. В целом все перечисленные объекты имеют определенное сходство в конфигурации и размерах с близкими по времени жилищами более западных областей [18].

Вопреки представлениям, что жилища строились для холодного времени года, жилище, исследованное на стоянке Байбек, скорее всего начало сооружаться в жаркий период как защита от летнего зноя. Об этом свидетельствует самый нижний уровень – уровень пола (уровень материка). На полу нет очага, зато есть яма с остатками костей животных, причем таких частей туши, как лопатки и ребра. По всей видимости, яма использовалась как хозяйственная – для хранения запасов мяса и других продуктов. Орудия из ребер животных – тупики и скобели – использовались для обработки шкур, которая происходила тоже под крышей жилища.

С наступлением холодов необходимость в яме исчезла. Её перекрыли накопившиеся отложения на полу жилища, уровень пола из-за довольно подвижных песчаных отложений поднялся на 30–35 см над материком. В СЗ части жилища был сооружен очаг, который стал центром жизнедеятельности. Можно предположить, что основной работой, которая совершалась в это время под сводами жилища, было шитье одежды или обуви из шкур животных. Среди находок отмечено две целых костяных иглы-проколки и пять обломков костяных игл различного диаметра. Помимо этого обнаружены проколки из кремня и другие каменные и костяные орудия для обработки шкур и работы с ними.

Как указывалось выше, фрагменты керамики, обнаруженные в жилище, аналогичны керамике из культурного слоя стоянки. Но несколько фрагментов вызывают особый интерес. Первый является обломком сосуда ладьевидной формы (рис. 10: 2). Сходные формы обнаружены в комплексах каиршацкого типа [10], орловской [12] и кельтеминарской [19] культурах. На обломке сосуда из нижнего слоя жилища Байбекской стоянки нанесены горизонтальные ряды взаимопроникающих треугольников, обрамленные прямоугольниками из прочерченных линий. Такая композиция характерна для посуды каиршацкого типа, но треугольники нанесены не разреженным наколом, а в технике отступающей палочки, что присуще керамике тентексорского типа [20]. Еще на одном венчике из жилища нанесены каиршацкие прочерки, а на бордюрной зоне расположен ряд наколов в отступающей технике. (рис. 8: 5). Другой венчик имеет на поверхности чередование отдельных вертикальных вдавлений и горизонтальных рядов отступающих наколов овальной формы (рис. 9: 5). На стенке

еще одного сосуда узор представляет каиршацкие прочерки, обрамленные «ресничками» и треугольные наколы в отступающей манере (рис. 11: 12).

Эти сосуда важны для прояснения одного из самых спорных вопросов изучения неолита Северного Прикаспия. Ряд специалистов полагает, что памятники каиршацкого и тентексорского типов представляют этапы одной культуры [21; 22], а другие исследователи считают, что эти памятники являются самостоятельными культурами [11; 23]. Первым аргументом в пользу разнотипности был временной разрыв между ними. Значительная серия радиоуглеродных дат по этим материалам дала основания считать, что верхняя граница каиршацких комплексов стыкуется с нижней гранью памятников тентексорского типа [15]. Вторым аргументом было отсутствие материалов, являющихся переходными от каиршацкого к тентексорскому типу. Вышеописанные сосуда восполняют эту лакуну. Следует подчеркнуть, учитывая радиоуглеродные даты, что это признаки не сосуществования и взаимодействия первых и вторых, а именно, перехода от одного этапа к другому.

Выводы

Исследование остатков жилого сооружения на стоянке Байбек дало возможность реконструировать целый комплекс аспектов. Были определены характерные черты и конструктивные особенности жилища, этапы его строительства, обитания, сезонности и функциональной специфики. Нахождение керамического и каменного инвентаря в закрытом комплексе свидетельствует об их гомогенности. В то же время есть ряд типологических признаков, которые отличают инвентарь стоянки Байбек от Каиршака III. Нельзя исключать, что эти различия имеют хронологические причины. Судя по серии дат, материалы жилища имеют четкие временные границы – начало первой четверти VI тыс., а комплекс Каиршака III относится к последней четверти VII тыс. до н.э. Возможно, что именно этим объясняется некоторое различие между жилищем стоянки Байбек и объектами стоянки Каиршак III. Однако объекты охоты на обоих памятниках практически не различаются. Видимо, это объясняется и относительной стабильностью природно-климатической обстановки: принципиальных различий в палеогеографическом фоне существования Байбека и Каиршака III не прослеживается. Наличие данных только о диких видах животных позволяет утверждать, что начало неолитизации на данной территории проходило на основе присваивающего хозяйства. С другой стороны, весьма ранние радиоуглеродные даты и технико-типологические характеристики керамики позволяют предполагать Северный Прикаспий одним из центров возникновения гончарного производства.

Список литературы:

1. Гречкина Т.Ю., Кутуков Д.В. Неолитическая стоянка Байбек // Народы Прикаспийского региона: диалог культур. Элиста: КалмГУ, 2009. С. 20–23.
2. Гречкина Т.Ю., Выборнов А.А., Кутуков Д.В. Новая ранненеолитическая стоянка Байбек в Северном Прикаспии // Самарский научный вестник. 2014. № 3 (8). С. 79–90. DOI: 10.17816/snv20143208.
3. Гречкина Т.Ю. Керамика неолитической стоянки Байбек (исследования 2013, 2014 годов) // Неолитиче-

ские культуры Восточной Европы. СПб.: ИИМК РАН, 2015. С. 79–81.

4. Поплевко Г.Н., Гречкина Т.Ю. Комплексный анализ материалов неолитической стоянки Байбек // Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. 2018. № 7. С. 240–250.

5. Выборнов А.А., Гречкина Т.Ю., Кулькова М.А., Зайцева Г.И., Поснерт Г. Хронология стоянки Байбек в Северном Прикаспии // Известия Самарского научного центра РАН. 2016. Т. 18, № 6. С. 153–156.

6. Выборнов А.А., Гречкина Т.Ю., Спиридонова Е.А. Новые палинологические данные о стоянке Байбек // Известия Самарского научного центра РАН. 2018. Т. 20, № 3, ч. 2. С. 497–501.

7. Гречкина Т.Ю., Выборнов А.А., Васильева И.Н., Иванов И.В., Косинцев П.А., Кулькова М.А., Яниш Е.Ю. Междисциплинарные подходы в изучении материалов неолитической стоянки Байбек в Северном Прикаспии // V (XXI) всероссийский археологический съезд. Барнаул, 2017. С. 280–281.

8. Гречкина Т.Ю., Выборнов А.А., Лебедев Ю.С. Стоянка Байбек: выбор места, структура памятника, соотношение охоты и рыболовства // Стратегии жизнеобеспечения в каменном веке, прямые и косвенные свидетельства рыболовства и собирательства. СПб., 2018. С. 85–87.

9. Гречкина Т.Ю., Малютина А.А., Выборнов А.А., Лебедев Ю.С. Костяные изделия неолитической стоянки Байбек // Самарский научный вестник. 2020. № 2 (31). С. 132–144. DOI: 10.17816/snv202201.

10. Васильев И.Б., Выборнов А.А., Козин Е.В. Исследование неолитической стоянки Каиршак III // Неолит и энеолит Северного Прикаспия. Куйбышев: КГПИ, 1989. С. 18–45.

11. Кольцов П.М. Поселение Джангар. Человек и его культура в неолите Северо-Западного Прикаспия. М.: Изд-во «Новый хронограф», 2004. 156 с.

12. Юдин А.И. Варфоломеевская стоянка и неолит степного Поволжья. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2004. 198 с.

13. Амиханов Х.А. Чохское поселение. М.: Наука. 1987. 224 с.

14. Виноградов А.В. Неолитические памятники Хорезма. М.: Наука, 1968. 179 с.

15. Барацков А.В., Выборнов А.А., Кулькова М.А. Проблемы абсолютной хронологии неолита Северного Прикаспия // Известия Самарского научного центра РАН. 2012. Т. 14, № 3. С. 200–204.

16. Выборнов А.А., Барацков А.В., Гречкина Т.Ю., Кулькова М.А., Зайцева Г.И., Поснерт Г. Радиоуглеродные данные по неолиту Северного Прикаспия // Радиоуглеродная хронология эпохи неолита Восточной Европы VII–III тыс. до н.э. Смоленск: Свиток, 2016. С. 45–58.

17. Выборнов А.А., Васильева И.Н., Кулькова М.А., Ойнонен М., Поснерт Г., Нестерова Л.А. О древнейших керамических традициях населения Северного Прикаспия // Вестник ВолГУ. Сер. 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2020. Т. 25, № 1. С. 141–151.

18. Маркевич В.И. Буго-днестровская культура на территории Молдавии. Кишинев: Штининца, 1974. 176 с.

19. Виноградов А.В. Древние охотники и рыболовы Среднеазиатского междуречья. М.: Наука, 1981. 173 с.

20. Васильев И.Б., Выборнов А.А., Козин Е.В. Позднеолитическая стоянка Тентексор в Северном Прикаспии // Древние культуры Северного Прикаспия. Куйбышев, 1986. С. 6–31.

21. Васильев И.Б., Выборнов А.А. Неолит Поволжья. Куйбышев: Изд-во КГПИ, 1988. 112 с.

22. Козин Е.В. Неолит Северного Прикаспия: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ижевск, 2002. 27 с.

23. Кольцов П.М. О культурной принадлежности неолитических памятников Северного Прикаспия // Вопросы археологии юга Восточной Европы. Элиста, 1990. С. 62–71.

Информация об авторе(-ах):	Information about the author(-s):
Гречкина Татьяна Юрьевна , кандидат исторических наук, начальник отдела археологии; Государственное научно-производственное учреждение «Наследие» (г. Астрахань, Российская Федерация). E-mail: grechkina54@mail.ru.	Grechkina Tatiana Yuryevna , candidate of historical sciences, head of Archaeology Department; State Scientific and Production Institution «Nasledie» (Astrakhan, Russian Federation). E-mail: grechkina54@mail.ru.
Выборнов Александр Алексеевич , доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной истории и археологии; Самарский государственный социально-педагогический университет (г. Самара, Российская Федерация). E-mail: vibornov_kin@mail.ru.	Vybornov Aleksander Alekseevich , doctor of historical sciences, professor, head of Domestic History and Archeology Department; Samara State University of Social Sciences and Education (Samara, Russian Federation). E-mail: vibornov_kin@mail.ru.
Лебедев Юрий Сергеевич , главный научный сотрудник отдела археологии; Государственное научно-производственное учреждение «Наследие» (г. Астрахань, Российская Федерация). E-mail: lebedev89-89@mail.ru.	Lebedev Yurii Sergeevich , chief researcher of Archaeology Department; State Scientific and Production Institution «Nasledie» (Astrakhan, Russian Federation). E-mail: lebedev89-89@mail.ru.

Для цитирования:

Гречкина Т.Ю., Выборнов А.А., Лебедев Ю.С. Конструктивные особенности жилища раннеолитической стоянки Байбек в Северном Прикаспии // Самарский научный вестник. 2021. Т. 10, № 1. С. 177–191. DOI: 10.17816/snv2021101202.